

Иван Баркевич

Санаторий...
Крематорий

Иван Андреевич Баркевич Санаторий... Крематорий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111006

SelfPub; 2023

Аннотация

Пара влюбленных попадают в стандартный, самый обыкновенный санаторий... Вот только именно в его обыкновенности и кроется ужас. Что за непонятный орден разросся в этом древнем, еще дореволюционном здании?... Орден не маньяков, убийц или прочего понятного и даже банального зла... Орден... Чего?

Иван Баркевич

Санаторий... Крематорий

Глава 1.

«Вы **должны** присутствовать на процедурах... Мы все понимаем – дело молодое, но правила есть правила».

Немного полноватый директор санатория сидел на бежевом гостиничном стуле. Перед ним на небольшом диванчике находилось двое подростков, лет по семнадцать каждому.

«Но...»

«Не но. Вы подписывали соглашение. В седьмом пункте стояло, что человек, не имеющий медицинских противопоказаний, обязан посещать процедуры! Право слово, я не понимаю в чем проблема... Они же абсолютно безболезненные, а многие даже приятные... Хотя... кажется я понимаю в чем дело»...

Директор масляно улыбнулся и произнес через небольшую паузу:

«Я поговорю с медперсоналом, чтобы вы принимали «жемчужные ванны» вместе... А? Как вам *такая* идея»...

Подмигнув директор встал, вязко опираясь сначала на сиденье, потом на спинку стула... Тяжелые отекающие руки обтягивала полупрозрачная тоненькая кожица, сквозь которую просвечивались иссиня-зеленоватые нитки сосудов.

Разговор был окончен. Я и Рита остались сидеть на диван-

чике.

Мы бежали, приятно задыхаясь от волнения и удовольствия. Шмыгнув с завтрака и схватив несколько бутербродов про запас, мы вновь улепетывали от навязываемых процедур. Черт знает, что на нас тогда нашло. Просто какая-то безалаберная беспечность, юношеский максимализм и нонконформизм, нежелающий подчиняться никаким правилам.

Администратор и медсестра заметили наш побег (не могли не заметить), но останавливать не стали. Два прогула – еще допустимый срок. Как потом выяснилось, обычная трехнедельная программа допускала четыре пропуска, а мы приехали на целый месяц...

На территории санатория был чудесный сосновый парк с гравийными дорожками. Мы с Риткой быстро ходили по нему, сбегая с основного маршрута для тех быстрых и жарких поцелуев, которые знакомы только первой любви. Мы, прячась даже там, где нас никто не мог видеть, наслаждались непонятной и незнакомой свободой.

Внезапно из-за деревьев выбежал человек. Он, уже далеко не молодой мужчина с изодранными сединой темными волосами, постоянно оглядывался и запахивался в широкий черный макинтош; сзади, откуда не возьмись, раздался лай немецких овчарок. Увидев, как мы тайком целуемся, человек взволнованно спросил:

«Вы живите в третьем корпусе, так?»

«Да...»

«Прошу вас, пустите меня. Я также, как и вы уклонист. Умоляю, меня преследуют *служащие*».

Мы, толком не понимая, что происходит, побежали с *человеком* к третьему корпусу – благо он был совсем рядом. Лай приближался. С секунды на секунду нас догонят овчарки, да и если не догонят... На ресепшне наверняка сидит администратор... Он ведь тут же выдаст неудачников-беглецов.

Я, нащупывая в кармане хиленький перочинный ножик, уже приготовился к *доблестной* встрече с собаками, как вдруг человек нагло схватил мою девушку за рукав и открыл непонятно откуда взявшуюся дверь в задней стене третьего корпуса. Толкнув туда Ритку он рассерженно глянул на меня, мол, чего ждешь, и сам скрылся за странной дверью.

Я до сих пор помню этот коридор, напоминающий какой-то подземный ход из герцогского замка. Повсюду были какие-то железные крюки, под ногами кряхтела каменная крошка, в воздухе стоял крепкий запах мха и сырого камня. Рита тихо спросила человека:

«Нас же почуют собаки!»

«Не бойся, девочка... Не почуют. *Здесь* не почуют... Надо спешить, если вы успеете вернуться в комнату – они вас не тронут. Какой у вас номер?».

«53-ий. Но... Почему?»

Вопрос остался без ответа.

Через несколько минут блужданий наша странная процессия вышла из таинственного коридора и попала сразу же на тот этаж, где мы жили...

«Тссс»

Проглядев все углы с помощью небольшого карманного зеркальца человек аккуратно двинулся вперед... оказавшись перед нашей дверью, он прошептал мне:

«Открывай».

«Вы сумасшедший!» – зло прошептал я.

«Ради Бога! Открывай!»

На лестнице послышались шаги, я с хрустом повернул ключ в двери и вбежал в комнату вместе с девушкой и *человеком*.

Зайдя к нам он, будто бы не веря глазам, быстро огляделся, запер дверь на все замки и, аккуратно повесив макинтош на локоть, представился:

«Григорий Михайлович. Хирург-кардиолог. Уклонист с пятнадцатидневным сроком. Прошу прощения за столь внезапное и мерзкое вторжение к вам».

Еще минуту назад, и я и Рита легко сказали бы, что перед нами сумасшедший, которому мы, неизвестно почему, помогаем бежать от мед. персонала. Но сейчас... Сейчас перед нами стоял абсолютно здоровый человек с глубокими кари-ми глазами, измученным смугловатым лицом и с прекрасным, бархатистым голосом.

«Я понимаю, что вы можете принять меня за сумасшедшего, но это не так... Не так... Вы слышали собак... Скажите, в обычных санаториях преследуют людей, не ходящих на процедуры, с помощью здоровенных немецких овчарок?»

Рита мотнула своим прелестным лицом, её пушистые русые волосы качнулись и заиграли на солнце, проникающем в комнату через тюль... Она с каким-то ученическим страхом взглянула на Григория Михайловича своими волоокими желто-коричневыми глазами.

«Мы поднимались с вами по тайному коридору... Его выдолбили сотни заключенных-уклонистов, находящихся здесь раньше. Вы шли по полу, где каждый шаг делал уже *новый человек*» ...

«Но почему нас не учуяли собаки?» – со странным внутренним волнением спросил я.

«Духи. Специальные духи, которые не ощущает человек, но которые перебивают все запахи для собак, однако... Пожалуй, будет лучше, если я вам расскажу, что знаю, об этом *санатории*...

Никто толком не понимает, что здесь происходит. Многие замечают за собой сильнейшую эмоциональную деградацию после посещения так называемых *процедур*... Это ни на что не похоже... Тебя будто бы потрошат, меняют, переворачивают... Корежат.

Люди выходят отсюда другими... Совершенно другими. Точнее... Это уже не люди... Человек становится какой-то

желеобразной массой, не во что не верящей, ни к чему не идущей...»

«На как же те, кто, как и вы сопротивляетесь? Их убивают?»

«Нет. Если бы... Это давным-давно стало бы известно. Их меняют. Также. Привозят насильно в кабинеты, пристегивают к ваннам и массажам... Родственникам пишут письмо, что вот, мол, в связи с новыми заболеваниями, открывшимися у вашего брата/мужа/отца/матери/сестры мы, дирекция санатория, оставляем его ещё на несколько недель для *полного выздоровления*... Ну или передаем в клинику такую-то (естественно при санатории) для того же *полного выздоровления*».

Но самое главное – не это. Самое главное – номер. Я не знаю в чем, выражаясь вашим языком, прикол, однако он напоминает *домик* в детских играх. Если вы смогли сюда попасть после завтрака – считайте, что остаток дня можете провести спокойно. В худшем случае вас немного пожурят наутро.

Вы можете идти на обед, на ужин... Главное пробыть в номере время с окончания завтрака до часа дня, когда заканчиваются процедуры».

«А что если вообще не ходить на завтрак»

Григорий Михайлович горько улыбнулся:

«В этом случае правило *домика* отм...»

В дверь постучали.

Мое тело покрылось какой-то мерзкой и склизкой пленкой. Рита впилась своими ноготочками в мою ладонь, однако я почти ничего не почувствовал. Глаза Григория Михайловича странно на нас посмотрели... Именно на нас, а не на дсп-шную коричневатую дверь.

Стук повторился, но на сей раз он был гораздо более настойчивым и наглым. Тишина... Ничего не происходило... В ушах звенело от непереносимого абсолютного молчания всех. Я не знаю, сколько прошло времени... Помню, мой взгляд упал на штору, шевелящуюся от теплого морского ветра...

А потом раздался он. Металлически-елейный голос женщины лет сорока пяти. Ее слова отпечатались у меня в памяти навсегда:

«Вам, Григорий Михайлович, было выдано последнее предупреждение, а вы мало того, что не явились на процедуры, так еще и зашли в комнату к посторонним. Вы нарушили одно из главных правил *нашего санатория*...»

После этого в коридоре слышались шаги тонких каблучков по старому советскому паркету.

Глава 2.

На завтраке давали пшеничную молочную кашу, крутое яйцо и хлеб с сыром. На выходе из столовой нас ждала медсестра. Я видел, как Рита испуганно ищет глазами Григория Михайловича... В моем горле стоял влажный противный клубок.

Я не знал, что делать... Передо мной сидела девушка, которую я любил больше жизни, поверьте, это не фигура речи и не избитая пошлая фраза... Это просто действительно так...

Люди вокруг аппетитно завтракали, у мужчин шустро ходили кадыки, женщины аккуратно вытирали салфетками неispачканные губы. Все было как везде... Господи... Может быть я сошел с ума?

С опозданием в двадцать минут в столовую вошел Григорий Михайлович. Он весело улыбнулся администратору, показал резиновый синий браслет, после чего направился к нашему столику.

Одетый как с иголки в черный костюм и фиолетовую узорчатую рубашку, идеально наглаженный и выбритый, с потрясающе-добрыми искрящимися глазами, – он ничем не походил на того измученного худого старика, которого мы видели вчера. Даже совершенно не расчесанные волосы были совершенно другими... Седина серебрилась, как утренняя роса, а смоль отливала шоколадом...

«Здравствуйте Иван, Маргарита» – он протянул мне свою сухую теплую руку, после прикосновения к которой я понял – это не безумие! Передо мной не интеллигентный отдыхающий санатория на берегу Финского залива, а беглец из какого-то ада...

Он почти ничего не ел. Выпил стакан воды, съел кусок лимона и все.

«Бегите. Вас наверняка поймают, но это единственный

шанс спастись». – Единственное напоминание о вчерашнем. Он тихо проронил его между сообщением о прекрасной погоде и комментарием об Уильяме Стайроне.

Дождавшись нас, он пошел к выходу.

Я не понимал, как нам избежать мерзкой округлой медсестры, поджидающей нас вместе с не очень высокой женщиной, стоящей на высоких каблуках.

«Григорий Михайлович, добрый день!» – Это был он! Мерзкий металлически-елейный голос человека, привыкшего к крику и к маршу!

«Здравствуйте, Екатерина Аркадьевна!» – Усмехаясь произнес Григорий Михайлович...

Я потом неоднократно видел эту женщину... Огромные темные глаза, волосы яркого блонда, дорогая маковая помада и лоснящееся округлое лицо, которое некоторые люди считали привлекательным.

«Вас ждет к себе Глеб Иванович... За Ваню и Риту не беспокойтесь, я провожу их к жемчужным ваннам...» – Она говорила это, пытаясь показаться ласковой, милой... В конце фразы эта женщина даже попыталась погладить меня, а затем и Риту по щеке... Ее длинный коралловый ноготь зацепился за мочку моего уха и оставил там неглубокую царапину.

Григорий Михайлович ухмыльнулся и с треском ударил ее по лицу. Она ошалела, отпрыгнула, и мы успели вырваться из этого затхлого перехода из столовой туда – на волю! Мы бежали, сломя голову к третьему корпусу. Скорее, добраться

до номера! Добраться до номера...

Я ненадолго оглянулся назад:

Григорий Михайлович падал, сжав ладонью грудь. Его лицо посинело, на висках вздулись вены, шея мучительно изогнулась. Мне до сих неизвестно, **что** написали в официальной документе, объясняющем смерть этого чудесного, прекрасного человека... Инфаркт, наверное...

Мы снова зашли в тайный коридор. Ключ от него Григорий Михайлович оставил Рите, подробно объяснив перед этим, как именно им пользоваться.

«Главное – сказал он – найдите того, кому можно будет его передать».

Мы забежали в номер, Рита чуть ли не плакала, ее руки тряслись, да и я сам был не лучше... Это напоминало жуткий и страшный сон.

Нам нужно было просидеть здесь четыре с половиной часа. Все валилось из рук... Ни книги, ни фильмы, ни настолки, ни игры, ни разговоры – ничего не могло убить ужасающе длинного времени... Каждая минута казалась вечностью, мы были в каком-то трансе, в ужасном, непередаваемом состоянии... Такое ощущение, что тебя всего набили пустой серой пылью.

Мы попытались даже заняться сексом, но ничего не получилось... Слава Богу, что после этой глупой и абсолютно бессовестной попытки мы смогли хотя бы заснуть.

Ноги Риты были холодными, и она постоянно прижима-

лась ко мне, греясь и посапывая... Из-за этого я часто и глупо шутил, называя ее лягушонком...

Я проснулся от страшного, раздирающего грудь, кашля. Моментажно очнувшись Рита испуганно смотрела на меня, ее глаза, подернутые красной паутиной, блестели от страха и слез. Я не мог остановиться... Она прижалась ко мне, обняла. Господи... У нее были теплые, даже горячие ступни.

Я немного отстранился от неожиданности и тогда она провела мне рукой по щеке... Длинный ноготь больно задел ухо.
«Ты...!»

Раздался хриплый уродливый смех. Лоснящееся округлое лицо на секунду заменило лицо моей Риты, я закричал и упал с кровати. От удара я проснулся... Может быть даже по-настоящему.

Глава 3.

С обеда мы стащили столько хлеба, сколько смогли. Мы решили бежать сегодня же. Плевать, что ничего не получится, но ждать было невыносимо. Да и чего ждать... Номер сводил с ума, на улице за тобой как будто (хотя почему *как будто*!?) кто-то следил.

Мы пытались снять санаторные браслеты, но у нас ничего не получилось... Ни ножницы, ни зубы – ничего не помогало.

Все схвачено, все продумано... Зашили какой-нибудь маячок в них – и бегай, скрывайся, сколько угодно. Все равно тебя найдут, а в твои рассказы никто не поверит. Да и кому

верить?...

Часа в четыре мы пошли к заливу. Странно, но нас никто не преследовал... Мы побежали вдоль берега, когда напоролись на забор санатория обошли его по морю – благо оно было мелким и не очень холодным.

Пробираясь по дикому пляжу мы часов через пять вышли к какой-то маленькой деревушке Курлогово. Как мы потом узнали – там жилых домов было девять штук. Ноги болели нестерпимо. В кроссовки набился мокрый песок... Я хотел попроситься в самую крайнюю избу, но Рита меня отговорила и повела дальше.

Не знаю уж как она углядела, но вскоре из темноты действительно показалась маленькая очень опрятная избенка с тремя прекрасными клумбами под окном. Мы постучались туда, и нам открыл чудесный милый старичок, лет семидесяти.

Увидев синие браслеты, он огляделся и заторопил нас войти домой. Его звали Ярослав Викторович. Проходя сени, он еле слышно бормотал себе под нос:

«Ну, здравствуйте робятки... Дорогие... Как же вы убёгли... Как же вы... Чайку надоть...»

Какое-то темное длинное тельце подорвалось с места, когда Ярослав Викторович открыл низкую дверь из сеней в дом. Рита негромко вскрикнула и закусила губу.

«Не пугайтесь – с теплой улыбкой сказал дедушка – это бздюк. Гришкой кличут».

«Кто?» – тихим хором спросили мы.

«Бздюк – ответил Ярослав Викторович, пожимая плечами. – Ну... Как бы вам... Бздюк. Во! Ласку знаете?»

«Да»...

«Ну! А это бздюк!»

Он говорил необычайно приветливым и ласковым голосом, попутно ставя старый чайник на газовую плиту. Видимо от шума проснулась и бабушка – Валентина Ивановна, которая вскоре зашла на кухню, укутанная в узорчатую коричневую шаль. Это была не очень высокая, полная женщина, с открытым лицом и искрящимися серыми глазами. Лишний вес совершенно ее не портил, напротив – она казалась наполненной какой-то необъяснимой, прекрасной жизнью.

«Садись, Валь. Я все налью»

Доставая с сотен разных полочек, развисших на стенах, как гроздья винограда, соленые огурцы, помидоры, хлеб, сушеные грибы, Ярослав Викторович не переставал что-то ласково наборматывать и наговаривать. В конце концов, разлив огненно-горячий темный чай, он уселся с нами за небольшой деревянный стол.

У него было удивительно-живое лицо, путешествующее по тысячам тропкам-морщинам. Полностью седые волосы были немного взлохмачены, а сморщенные крепкие пальцы постоянно что-то делали – сплетались, неслышно барабанили по столу, чистили невидимые пятна на клеенчатой скатерти, гладили деревянные фигурки зверушек, расставлен-

ные по всему дому и тд.

Валентина Ивановна, показывая на браслеты, спросила:
«Вы же из *санатория*...?»

Я тихо ответил:

«Да»...

Сжав в руках фигурку филина Ярослав Викторович снова проговорил:

«Как же вы убёгли?»

Мы рассказали нашу нехитрую историю, после чего старики испуганно-радостно переглянулись, и Валентина Ивановна сказала:

«Это невозможно... Робятки... Дорогие...»

В ее глазах заблестели крупные слезы, полные руки слегка задрожали... Положив свою ладонь на локоть жены Ярослав Викторович рассказал нам следующее:

Их дочь, Настасьюшка, – отличница, но больная астмой девочка, попала в этот санаторий, выиграв крупную олимпиаду (оказывается раньше в этой деревушке была целая школа, куда ходила учиться вся детвора с окрестностей, но с восьмидесятых все стали разъезжаться, деревня начала редеть, детей стало мало, поэтому в нулевых школу закрыли).

Сначала в санатории Настя ощущала себя очень плохо... Она часто писала родителям, жаловалась на то, что у нее будто бы вырвали из груди воздух... Странное сравнение для астматика... Потом письма стали суше, потом их не стало вовсе. Через два месяца в деревню вернулась румяная, по-

полневшая девушка с изменившимися глазами...

Тяжело было понять, что именно переломилось в Насте, но она стала... Не безжалостной, а... Как будто слепой...

Раньше страдание любой птички, любого щенка бесконечно ранили это хрупкое и слабое сознание, теперь же она просто смотрела на то, что изменить было нельзя. Или она *думала*, что это изменить нельзя... В общем то, странная история... Можно было бы сказать, что девушка повзрослела, ушла от подросткового сентиментализма и максимализма... Наверное, так и скажет большинство людей.

Вскоре Анастасия построила блестящую карьеру, пройдя по головам... Нескольких людей по ее вине посадили.

Самое интересное заключается в том, что и Настя, и многие ее друзья, проходившие лечение в *санатории*, говорили, что неоднократно пытались бежать. Они говорили об этом, как о детской глупости, шалости, но ни один побег не был успешен, хотя попытки были почти у каждого. Никто не смог даже приблизиться к забору, окружавшему санаторий.

Глава 4.

«Григорий Михайлович Карак, так?» – черноусый молодой лейтенант сидел перед кроватью больного. Увидев его кивок, офицер скривился и, показав несколько фотографий, задал следующий вопрос:

«Как вы объясните то, что в вашем номере было найдено два трупа?»

Больной презрительно ухмыльнулся.

«По заключению врачей их отравили цианидом. Зачем...? Зачем... У вас же блестящая характеристика с места работы, вы прекрасный специалист, спасли сотни жизней! Да ведь вы моего отца с того света вытащили, я помню... Чем вам не угодили эти ни в чем не повинные дети»...

Говоря это, лейтенант постоянно показывал больному фотографии двух безжизненных побледневших тел с уродливо-заострившимися носами...

«Вы даже себе не представляете... Как я полюбил этих прекрасных детей... Ваня... Рита...» – Задыхаясь произнес Григорий Михайлович, после чего радостная улыбка скользнула по его лицу...

Лейтенант в ужасе отпрянул.

«Вы... Вы убийца!»

Больной лишь закрыл воспаленные глаза.

Лейтенант попытался собраться и вернулся к протокольному допросу:

«После обеда вы увлекли их к себе в номер, так? Вас видели на выходе из столовой».

Больной кивнул.

«В номере вы пробыли один час сорок три минуты, после чего и произошло убийство – оба подростка выпили с вами вина».

Больной кивнул.

«После этого вы пошли в парк и гуляли там до поздней ночи. Если быть точным – до половины второго. Именно в

это время горничная обнаружила уже безжизненные тела».

Больной кивнул. Один из мускулов на его шее еле заметно дрогнул.

«Я одного только не могу понять... Зачем после завтрака вы симулировали инфаркт!? Какой в этом был смысл!? И как так получилось, что сразу же после вашего ареста у вас случился уже настоящий приступ? Совесть заела...? Сволочь...».

Внезапно ножка древнего деревянного стула, на котором сидел офицер, подломилась. Он упал, грубо выругался, поднялся, собирая бумаги и поправляя белый халат и увидел, как целый сноп солнца (солнечных лучей?) играл на лице неожиданно помолодевшего преступника.

Убийца смеялся, смеялся, как сумасшедший – до хрипоты; до тяжелой, невыносимой боли в груди, где задышалось больное сердце. Блестящие слезы катились по смуглому лицу этого человека, оставляя за собой влажные темные следы.

Огромная средневековая зала с овальным столом посередине. Гигантские потолки, стены, обшитые деревянными миниатюрами из античных мифов.

Здесь сидело порядка двадцати человек, которые очень резонировали своей одеждой на фоне этого настоящего герцогского замка. Мужчины были одеты в обыкновенные свитера и костюмы, женщины в джинсы, брюки или пиджаки... В общем-то в этом странном и жутком месте сидели самые

обыкновенные люди в самой обыкновенной одежде...

Та самая Екатерина Аркадьевна (одетая, кстати, в элегантный розовый пиджак и черные брюки) стояла и, сверкая своими волоокими глазами, громко, чуть ли не визгливо говорила:

«Мы их упустили! Я не верю этому Караку! Он не убийца!»

Один из мужчин ласково одернул выступающую:

«У нас есть трупы, у нас есть медицинское освидетельствование, у нас есть признание самого Крака. Что вам **еще** нужно, *голуба моя*?»

«Да!... Вот только зачем он их убил!? Маньяк... Но как маньяк он мог убивать на операционном столе и об этом бы никто бы не догадался, но ведь нет – за весь его тридцатилетний стаж у него было лишь пять смертей! Пять смертей у хирурга-кардиолога, работающего в реанимации! Он не маньяк... А других мотивов у него нет».

«Это так, но ведь мы не можем знать всего... Да и к тому же... Что делать с трупами...? Они-то – *настоящие*...»

«Не вам, Владимир Аристархович, говорить про трупы! Даже я этот фокус проверну в два счета!»

«Но тогда мы говорим о том, что Карак – это...»

«Кархон!» – Екатерина Аркадьевна каркнула этим словом, после чего тяжело опустилась на резной, изукрашенный стул с высокой спинкой.

В зале поднялся гул, *люди* перешептывались друг с дру-

гом, спорили, что-то показывали на каких-то пергаментях и бумагах.

Директор санатория, вытирая салфеткой вспотевшие руки, поднялся и уверенно заговорил:

«Кархоны были разбиты и уничтожены. Мы много раз проверяли этот мир на их присутствие... Их больше нет. Ваш Карак чуть не умер после завтрака – **нам** пришлось исправлять глупость, которую натворили **вы**, Екатерина Аркадьевна и сейчас **вы** пытаетесь убедить нас в том, что, пожалуй, единственный выживший кархон подверг себя смертельной опасности ради парочки влюбленных идиотов! Вы сошли с ума».

Екатерина Аркадьевна вцепилась ногтями в изукрашенные еловые подлокотники так, что на лакированном дереве остались глубокие царапины.

«**Ты** забываешься, Геннадий Акакиевич» – зло прошипела она.

Директор усмехнулся, пошевелил своими неуклюжими толстыми пальцами, посмотрел на толстое медное кольцо, сдавившие жирный мизинец как кулинарный шпагат, после чего вновь заговорил:

«Если то, что вы говорите – правда, то... Чорт с этими детьми! В наших руках оказался кархон! Кар-хон! – директор обвел всех присутствующих многозначительным взглядом – И самое меньшее, что мы можем с ним сделать – убить». – В зале заулыбались.

Со стула поднялся тот самый Владимир Аристархович. Он представлял из себя эдакого джентльмена 19-го столетия, одетого в бежевый клетчатый костюм тройку. Ему было лет сорок, он имел аккуратную каштановую бородку и небесно-голубые глаза.

«Друзья! Посудите сами... Стал бы кархон рисковать собой ради двух милых детишек? Тем более, что санаторную обработку прошла чуть ли не половина этой страны...

Мы стоим с вами на службе *порядка и здравого смысла* уже почти тысячу лет. Кархоны были разбиты. Однако... Если вы так настаиваете на том, что перед нами действительно представитель этого кхм... *образования*...

В этом случае последнее, что мы должны делать – это упускать из виду детей! Кархоны никогда не вылазили из своих нор просто так».

«Вы плохо знаете кархонов. Они как раз-таки и были известны тем, что подставлялись из-за каждой человеческой жизни».

«Но это другой случай! Подобного вмешательства мы не видели с сотню...»

«Хватит – громко выкрикнула Екатерина Аркадьевна. Ее глаза снова блестели иссиня-черным цветом – если этот Карак – кархон, то он от нас не уйдет... А детей я найду... Из под земли вытащ-щу».

После этого она развернулась и вышла из зала. Громкий стук высоких каблучков ритмично бил по барабанным пере-

понкам.

Директор санатория вновь уставился на свое медное колечко, вдавленное в теплую мякоть пальца.

Глава 5.

Я прилип к окну и смотрел на крайний дом, в который чуть не поволок за собой Риту (он находился наискосок от избы Ярослава Викторовича и Валентины Ивановны). Там горела одинокая настольная лампа. Сгорбившийся силуэт что-то делал за столом.

Рядом со мной тихо дремала Рита. Наша старенькая софа стояла у самого окна и из-за этого чернильного, кристально чистого глаза, через который была видна почти что вся окрестность, я не мог уснуть.

Что нас ждало в той избе? Кто там живет? Почему нас никто не преследует? Господи, какой же это все бред... Что стало с Григорием Михайловичем?...

Что если все это – сумасшествие!? Как у Скорсезе в «Острове Проклятых»... Только там дурдом, а здесь санаторий. Нет... Не может быть... Не может...

Рита тихо приподнялась на руках – я ничего не заметил. Моя голова лежала на деревянном белом подоконнике. Какие-то соринки впивались в щеку, глаза горели от усталости и недосыпа...

Мягкие, как всегда холодноватые руки обхватили мою спину – я обернулся. Рита внимательно смотрела на меня, а

я видел в ее расширенных от темноты зрачках свое отражение...

Губы тихо коснулись моей шеи... Мы поцеловались... Наверное, это неправильно... Все-таки мы в гостях... Плевать...

.....
Наутро мы вышли в основной дом (нам постелили отдельно, в боковой пристройке-терраске). Ярослав Викторович и Валентина Ивановна что-то щебетали на кухне. После завтрака нас стали уговаривать остаться, но подвергать опасности этих милых стариков было невозможно. Я не мог забыть страшного посиневшего лица Григория Михайловича...

Напоследок я задал лишь один вопрос:

«А кто живет вон в той избе?»

Ярослав Викторович поднял мохнатые брови и, опешив, ответил:

«Дык никто... Как три года назад преставилась Ефросинья Егоровна, так никто и не живет... Там же все бурьяном поросло...»

Я выглянул в окно – и действительно увидел полностью заброшенный дом, который никак нельзя было принять за жилой. Клены пробили деревянное крыльцо, высокая трава доходила почти до окон, забор страшно покосился, а в некоторых местах рухнул...

Но там ведь был...

«Спасибо вам большое, до свидания» – голос Риты вернул

меня из страшного оцепенения.

«С Богом, робятки, с Богом...»

Выходя из дома в сени, мы снова разбудили *бздюка*... Он оказался самым обыкновенным, хотя и красивейшим ручным хорьком. Даже как-то странно... *Слишком* обыкновенно.

Увидев меня зверек будто над чем-то задумался, потом сорвался с места и приволок из-под старой скамейки желтый листок бумаги. Я аккуратно взял его и... Отпрянул. Это был вырванная мягкая обложка от «Обезьяны» Домбровского.

«Коли два километра протопааете вон туда, выйдите к трассе. Ну а там вас, уж дай Бог, кто-нибудь подберет» – После этих слов Ярослав Викторович дал нам корзинку с вареной картошкой, огурцами и луком, перекрестил и обнял.

Я не знаю, что за хрень сидит в этих браслетах, но они по-прежнему не снимались...

Через два километра мы действительно вышли к дороге, которую при самых больших натяжках нельзя было назвать трассой. Машин практически не было, а те, что проезжали не останавливались. Мы решили потихоньку идти по обочине, надеясь встретить какой-то более крупный поселок, где можно было бы хотя бы связаться с родителями. Связь не ловила нигде уже вторые сутки.

Через несколько часов пути Рита сказала, что за ней кто-то смотрит. Мы остановились, мимо проехал рыжий Рено

Логан, а по нам пробежала странно-холодная и склизкая тень.

В небольшой посадке что-то зашуршало.... Внезапно на повороте показался старый белый жигуль с прямоугольными фарами... Я такой марки даже не помню...

Он несся со страшной скоростью и остановился прямо перед нами. Из посадки показался какой-то сгорбленный человек, застегивающий ширинку по пути.

В жигуле сидел Григорий Михайлович.

«Залазьте, живо!»

Мы бросились в машину, сгорбленный человек даже не прибавил шагу.

Жигуль рванул с места, сгорбленный человек что-то буркнул себе под нос и, зевнув, пошел вдоль дороги в обратном от нас направлении.

«Так. Во-первых, дай сюда эту пакость» – Григорий Михайлович бесцеремонно схватил Риту за руку, поразительно легко сдернул ее браслет и выкинул его на дорогу.

То же самое он проделал и с моим браслетом, пробормотав:

«Фу. Бяка. Не мешайся». После чего разразился громким хохотом.

«Так... Во-вторых. Где вы шлялись целую ночь»? – сказал он, еле сдерживая улыбку.

Глава... Какая-то.

«Зеркало»...

«Что?»

«Вместо вашего Карака на койке лежало зеркало».

Рыжий Рено перегородил нам дорогу. Оттуда вышел какой-то странный, очень элегантный человек в костюме *«тройка»*, а также Екатерина Аркадьевна и тот самый сгорбленный бомж, которого мы только что видели позади нас.

Начало смеркаться. Облака будто отяжелели и опустились от густого вечернего воздуха, они клубились над нами плотным аметисто-чернильным туманом.

Григорий Михайлович снова улыбнулся, затормозил машину и вышел.

«Ну и какое твое настоящее имя, Карак?»

«Чего ты *добился?*... Теперь ты умрешь, а твоих *подопечных* мы все равно заберем себе».

«И ради *этого* ты молчал сотню лет?»

Странно посмотрев на эту вопрошающую троицу Григорий Михайлович направился к нам, показал, чтобы мы выходили из машины, после чего, насвистывая Рахманинова, сошел с дороги.

Ошалев от это «наглости» за ним кинулся сгорбленный уродец. С ужасом я узнал в этом мерзком человечке с сальными бурыми волосами тот самый силуэт, сидевший в крайней избе ночью.

Он бежал к Рите. У Григория Михайловича вздулись ве-

ны на висках, но больше ничего не произошло. Он даже не двинулся с места.

Уродец подбежал к Рите и схватил ее за руку. Я, не в силах сдерживаться, ударил его по лицу. Он упал и зло захлопал глазами. Григорий Михайлович снова расхохотался.

Показав рукой, чтобы мы шли за ним, он направился в лес.

Ночь продолжала опускаться на землю, тяжелые облака скрыли и звезды, и луну; силуэты деревьев становились все более размытыми в общей тьме. Мы куда-то и зачем-то шли; Григорий Михайлович бережно подстраивался под Риту, стараясь идти с ее скоростью.

Периодически за нами что-то шуршало и вздымалось. Тени перебегали от дерева к дереву... Было жутко и одновременно как-то покойно.

Внезапно передо мной оказалась она – женщина с темными волоокими глазами. Она вцепилась в мои плечи ногтями, ее стойкие лавандовые духи будто обожгли меня, ярко-коралловый пиджак больно резанул по глазам.

Одновременно с этим вскрикнула Рита – я было кинулся к ней, но не смог даже пошевелиться. Бездонные глаза проникали в меня все глубже, я будто попал в какую-то невесомость, будто куда-то падал, но при этом не ощущал страха падения.

Все остановилось. Руки, ноги, мозг, сердце – все замерло, законсервировалось... окуталось в каком-то черном пуху.

Абрикосовая косточка. На ее шее висела гладкая, старательно чем-то отшлифованная абрикосовая косточка...

Мир вокруг превратился в тьму... Я слышал голос Риты, но не видел ее... Я вообще больше ничего не видел, кроме мерцающих глаз, абрикосовой косточки и кораллового пиджака.

Мое тело убивало мой разум, мою душу. Оно будто схлопывало все, что находилось внутри него. Я попытался вспомнить Риту, но не ничего не получалось. Я хотел закричать, но черный пух заложил мой рот и горло.

Вдруг я почувствовал, как меня кто-то вытягивает из тела. Мерзкие глаза наполнились непониманием и ужасом, а я вновь обрел свободу и легкость. Я мог кричать, я видел Риту и Григория Михайловича, стоявшего совсем рядом... Точнее...

И я, и Рита, и Григорий Михайлович не стояли... Я оглянулся вокруг и увидел, как меня по-прежнему сжимают длинные ухоженные пальцы, но это был уже не я, а кто-то другой...

И тут я снова вернулся обратно. В меня вновь глядела бездна, но я ощущал себя, свое тело... Свой разум. Через несколько секунд Екатерина Андреевна куда-то исчезла. На земле остался труп Риты.

Григорий Михайлович подошел ко мне, лежавшему на ее теле. Ее руки мраморно побелели, глаза... Совершенно не

поблекшие глаза глядели в морозную, клубящуюся тьму. У меня не было ни слез, ни криков... Просто тесно сжатый клубок оледеневших червей перекрыл горло и грудь. Я ничего не мог... Она была...

– Пойдем, Ваня... Пойдем...